

классика татарской литературы

Таяз Исхаки

189

ЛЮДИ рассказывают, будто много лет назад, ещё в очень давние времена, жил да был на свете народ. Сыт и богат был тот народ. Просторны были земли его, водам и горам конца-края будто бы не было. Одна река молочная, другая медовая, а третья масла полнёхонька. В одной горе золото брали да серебро; с другой яхонты сами собой сыпались – сапфиры голубые да рубины красные, а в третьей – железо да булат добывали. На полях пшеница колосилась, зрел рис, в лугах, среди сочной травы, цветы яркие улыбались, жаворонки песни свадебные распевали, ласточки девушек сватали. Рыба в озёрах будто бы золотая да серебряная водилась. Дичи в камышах – гусей, уток, журавлей – было видимо-невидимо. Ангел будто бы счёт

им потерял, а шайтан и считать не решился...

Говорят, жил-поживал тот народ и был счастлив. С трелями соловьёв просыпался, с криком кукушки спать укладывался. Под трепетное порхание бабочек, под бодрое гудение пчёл ел еду свою, пил своё питьё. Солнце для того народа было не просто солнцем, а светлым лучистым другом на небе. Поднявшись ввысь, оно приветствовало страну, заключало её в объятия, как юноша прелестную девушку; нежно целовало, словно старая мать милого сына. Оно не высушивало поля, не выжигало сады, а помогало вызревать яблокам, абрикосам, винограду, персикам, и превращало дыни с арбузами в сладкую халву... Счастлив был тот на-

Мудрый Лукман

сказка-пророчество

род, по осени дочек замуж выдавал, сыновей женил, свадьбы весёлые играл, а по весне сабантуи устраивал, невест себе приглядывал, объезжал лошадей. Едой его были мёд да масло, жизнь была раем. Дети в той стране отцу-матери послушны были, жёны мужьям не перечили, мужчины руку на женщин не поднимали... Богатые со своими сужеными, учителя и мастера-ремесленники, чиновники – все были на своих местах.

Был будто бы у того народа падишах, честный и справедливый, храбрый и деловой. Радостно правил он своим царством и счастлив был вполне. И визирь у него был умный и счастливый, рассудительный и дальновидный. Прошное, – то, что было сорок лет назад, – помнил, и будущее видел – что случится за сорок лет вперёд предсказать мог. Он всеми делами падишаха ведал и справлялся с этим легко. А ещё был при падишахе чудотворец один, настоящий мудрец, Лукман-хаким звали его. Говорят, хаким¹ тот ни минуты не терял напрасно – всё считал да измерял, о процветании народа заботился, думал, как добиться изобилия, за всё царство болел душой. Он размышлял днём, печалился ночью и равнодушен был лишь к золоту. И жемчуга с кораллами были недороги ему. Не заботили его ни почести, ни слава, ценил лишь данный Аллахом разум да счастье любимой страны. Все чудеса и тайны были ему открыты, вся страна слушалась мудреца, ни падишах, ни визирь не возражали.

Чудесным образом открылась однажды мудрецу новость. Аллах будто бы доверил ему большую тайну. Сначала не поверил Лукман-хаким, подумав, что это шайтан строит ему козни, и решил проверить. Приняв омовение, приступил к делу, используя известные ему волшебные способности. Всё подтвердилось. Новость была просто ужасная! Лукман-хаким поведал страшную тайну падишаху и визирю.

– Мой султан-падишах, – сказал он, – Аллах собирается наслать на нашу страну дождь. Воды того дождя попадут в реки, речушки, роднички и ключи. Человек, испивший такой воды, потеряет разум, сойдёт с пути, перестанет отличать прямое от кривого, белое от чёрного, запретное от дозволенного, друга от врага. Султан-падишах мой, ты глава страны, господин визирь в ней управляющий, я же, ничтожный раб Аллаха, занимаюсь разгадыванием сокровенных тайн. Нам теперь надо запастись водой, чтобы мы – падишах, визирь и я, хаким, – не сошли с ума и могли бы справляться с обезумевшим народом...

И вот день тот настал. После обеда тучи заволокли небо, поднялся сильный ветер, тучи разбухли, загремел гром, за сверкали молнии и начался ливень...

Дождь шёл всю ночь и весь день... Луга затопило, степи превратились в озёра. Речки превратились в бурные потоки и устремились в Идель...

Наутро снова засияло солнце, наступил белый день... Народ высыпал из домов – стар и млад, отцы и матери семейств, дети и подростки заполнили улицы, сады... Говорят, люди тогда приоделись, как на праздник, все пребывали в радости и блаженстве. Горе и беды для них кончились, вражда и раздоры забылись, всё перемешалось: нельзя было отличить бедного от богатого, уroda от красавца, труса от героя, все пели и обнимались. Падишах с удивлением смотрел на то, как враги лобызаются друг с другом, как зазнались бедняки, вообразив себя богатыми, как радовались калеки, считая себя здоровыми. И визирь немало дивился этому, мудрец же не говорил ни слова, скрипел лишь пером, записывая всё, что происходило вокруг... Прошёл день, прошла и ночь, а народ продолжал веселиться и остановиться никак не мог.

Тут неожиданно среди людей возник слух. Его передавали из уст в уста, и разносился он всё шире и шире: «Визирь сошёл с ума! Визирь перестал соображать!» – говорили люди.

Хаким записал это.

¹ Хаким (тат.) – судья.

Разбушевался народ, совсем покой потерял, изо дня в день кричал одно и то же:

– Как же безумец может управлять страной?!

В конце концов люди явились ко дворцу.

– Пусть безумный визирь выйдет к нам! – кричали они.

Мудрец, падишах и визирь стали думать, как быть.

Мудрец сказал:

– Народ почуял, что визирь не такой, как они. Уважаемому визирю не следует выделяться. Придётся выпить воды, какую пьёт народ.

Падишах согласился с мудрецом, визирь обречённо склонил голову и выпил воды, какую пил народ.

Глаза визиря покраснели, лицо расплылось в улыбке, точно увидел не то вдали, не то вблизи нечто забавное. Голове стало легко, мудрые мысли тотчас улетучились, усталости в ногах как не бывало... Опыт сорокалетней службы забылся, в грядущих сорока годах он уже не видел ничего. Он вышел к народу и стал веселиться так же, как они, и радоваться, не понимая чему. Вдали мерещилась ему прекрасная райская жизнь и он приветствовал её. Народ, довольный, загудел:

– Визирь выздоровел! Визирь пришёл в себя!

Новость быстро разлетелась вокруг, и народ принялся праздновать выздоровление верного своего визиря, служившего ему много лет. А тот знай себе обнимается с девушками, юношами, целуется с мужчинами и женщинами.

Падишах, видя, как он выплясывает с мальчишками, кривляется, распевая бессмысленные песенки, бредит мечтами, которые не могли бы прийти в голову даже самому безнадёжному глупцу, не мог поверить, что перед ним человек, который был во главе страны. Это огорчало падишаха. Ему было стыдно за позорное поведение подданного, считавшегося среди визирей соседних стран самым умным и великим.

Мудрец записал это...

А визирь теперь считал себя визирем визирей, подобно детям, воображавшим себя взрослыми; слугам, полагавшим себя хозяевами; беднякам, возомнившим себя богатыми; невеждам, считающим себя учёными; дуракам, прикидывавшимся умными. Он выдумывал глупости, которые раньше никак не могли прийти ему в голову, предлагал падишаху безумные планы, чтобы тот утвердил их в виде законов и указов...

Однажды заговорил о том, чтобы поднять на горы большую реку, бежавшую посередине города, рассыпая по берегам жемчуга и кораллы. Народ восторженно хлопал ему в ладоши...

На другой день предложил заслать на луну сватов, чтобы женить падишаха на лунной девушке Зухре.

На третий день – новый вздор: лететь верхом на волшебной птице Симург за горы Каф и захватить страны, которые там находятся. Народу нравились его фантазии. Падишах же лишь усмехался, слушая все эти бредни. Визирь, видя, что повелитель не в состоянии заниматься делами – претворять в жизнь его «великие» замыслы – решил, что он повредился умом. В народе пополз слух: «Падишах сошёл с ума». Новость передавалась от старших младшим, из домов – на улицы, с улиц – на базары, с базаров – в аулы и очень быстро охватила страну. Все твердили:

– Падишах сошёл с ума! Падишах безумен!

Прошло немного времени, и в этом уже никто не сомневался, тем более, что и визирь, друг падишаха, говорил, что согласен со всеми. Как жить, когда сам падишах безумен?! Крепко задумался народ и решил в конце концов: падишаха надо сменить...

Обратился падишах за советом к Лукман-хакиму.

– Мой султан-падишах, – сказал тот, – вам следует начать пить воду, какую пьёт народ.

– Ты тоже будешь пить? – спросил падишах.

– Нет, мой султан-падишах, у меня есть долг перед Аллахом: мне предсто-

ит выяснить, почему, на каком основании народ сошёл с ума, какие ступени безумия переживает. Во всём этом я должен тщательно разобраться и сведения сохранить для потомков. Я – маленький человек. Народ почувствовал, что падишах не похож на него, что с визирем что-то не так, а хакима он не заметит.

После этого разговора падишах испил воды, какую пьёт народ, и сразу почувствовал, как с плеч его упала тяжесть государственных забот. Он помолодел на тридцать лет, полегал на тридцать батманов. Как малое дитя, залился он беззаботным смехом, стал радоваться... Он тоже пошёл в толпу, и народ принял безумного падишаха в объятия.

Хаким записал и это.

Безумие падишаха было поистине падишахским. Он стал думать, что он – не просто падишах, а падишах над падишахами, мудрец над мудрецами. В первом своём указе он повелел понимать все слова наоборот. Принятые до того распоряжения высшего духовенства стали понимать в обратном смысле. Новшество было встречено народом с восторгом. Слово «умный» он заменил словом «дурак», «учёный» – «невеждой»; «закон» – «беззаконием»; «порядок» – «беспорядком»; «мудрец» – «глупцом». Эти изменения повлекли за собой другие: теперь богач должен был стать бедняком, а бедняк богачом; маленький стать большим, а большой маленьким; невежда – учёным, а учёный – неучем. Дети в семьях отныне стали главными, а отцы подчинялись им; дочь приняла роль матери, а мать сделалась ребёнком... Дурак стал мудрецом, а мудрец – дураком...

Хаким записал и это...

Рядом с умалишённым падишахом, сдуревшим визирем, спятившими с ума придворными хакимом почувствовал себя лишним. Мудрость его была здесь не нужна никому. Ночью, прихватив с собой камышовый молитвенный коврик и свою воду, он ушёл из дворца и поселился рядом с городом в пещере. Ни падишах, ни визирь его исчезновения

не заметили. И народ не хватился мудреца. Свихнувшимся людям он был ни к чему.

В стране с безумным падишахом, свихнувшимся визирем и поглупевшим народом всё пошло кривь да вкось. Одна только природа оставалась прежней, не меняясь ни в чём. Реки по-прежнему орошали поля, арыки, вырытые ещё дедами, поставляли в сады воду, на грядках, возделанных ещё бабушками, по-прежнему росли дыни, арбузы, огурцы, морковь... И солнце, как всегда спокойно взиравшее свысока на безумие и мудрость адамова племени, великодушно посылало тепло, помогало зреть винограду, абрикосам, яблокам, айве.

Страна превратилась в страну дураков, но каждый дурак в ней сходил с ума по-своему. Безумцы дело своё знали. Глупости народ выдавал за общее мнение и сообщал визирю, тот готовил для падишаха проекты, а падишах выносил решения – законы. Жизнь любого народа, известно, проходит в труде – на полях, в мастерских. Безумцы же решили: работать не надо! Воля их через визиря дошла до падишаха. И вот уже готов новый указ: «Долой труд!» Народ стал свободным! На радостях загулял он так, что дым стоял коромыслом. Всюду веселье, шум, толчея!

Хаким записал и это...

Однако ощутить полное счастье народу мешали всякие там «мудрецы» – имамы, муэдзины, начальники, врачи, учителя. Они будили по утрам, прерывая сладкий сон, заставляли молиться, запрещали то, что хотелось, не позволяли делать того, что нравилось. Словом, пора было избавиться от них. Снова через визиря сообщили волю свою падишаху. Тот указом отменил влияние мудрецов, мулл, начальников, врачей... В указе том говорилось: «Всякий, кто посмеет стеснять свободу народа, будет строго наказан». Народ был счастлив! Таким образом один за другим исчезли охранники лесов и полей, те, кто следил за порядком на улицах, кто стерёг границы. Не стало судей – *казыев*, которые

разбирали всевозможные споры-раздоры, не стало и муфтия, следившего за исполнением законов шариата...

Однако народу этого было мало, он всё ещё не был счастлив вполне, райской жизни никак не получалось: мешали, стесняли сохранившиеся от прежней жизни обычаи. Кто-то заявлял: «Я сосед твой» и начинал отстаивать свои соседские права. Другая говорила: «Я твоя мать» и тоже требовала положенного внимания и заботы. Или: «Я жена твоя» и снова хотела чего-то. Или: «Я ребёнок твой» и просил, умолял о чём-то. Чтобы избавить народ от назойливых притязаний, отменили *никах* и семью. Слова «долг» и «право» были выведены из употребления. Против тех, кому вздумается возражать закону, принимались самые строжайшие меры.

По старому обычаю народ занимался обменом товаров, куплей-продажей, меняя дыню на арбуз, яблоки на урюк, пшеницу на доски, золото на серебро, паласы на кавуши... Надо было считать яблоки, выяснять, на сколько золотников тянет золото, измерять аршинной доской – скучная возня. Уж очень неприятна была она людям. Чтобы облегчить участь жителей, были отменены все четыре математических действия. Ура! Счёт прекратил своё существование!

Покончив со всей этой канителью, падишах наконец занялся делами, достойными великого падишаха падишахов и первого среди мудрецов: объявил войну диву, который скрывается за горой Каф и каждую ночь прячет от людей солнце... Чтобы навредить соседнему падишаху, он издал указ, запрещавший использовать ишаков для перевозки воды и дров... Чтобы лунный свет не падал на соседние государства, приказал возвести на границе забор до самого неба... Для того, чтобы подсластить солёное море, приказал вычерпать его и заполнить вкусной свежей водой... С пылью в пустыне решено было покончить с помощью рек. Падишах приказал направить справа налево и с юга на север воды рек Тигр и Ефрат, Амударья и Сырдарья. А Идель и Агидель – с запада

на восток... Чтобы хаджи в Аравии не страдали от зноя, приказал доставить в Мекку лёд озера Байкал...

Падишах что ни день издавал всё новые и новые диковинные указы и повеления. Визирь ломал голову, придумывая, как их осуществить. А безумному народу всё было мало.

Мудрец записывал весь этот бред.

Солнце вставало каждый день и, как всегда, заходило вечером, уступая место ночи. Реки, вопреки распоряжениям падишаха, текли по старым руслам. Вода в море оставалась солёной.

Но проходили дни, месяцы, и некоторые люди стали потихоньку трезветь, тогда как прочие становились всё безумнее... Народ, который ещё недавно был одинаково пьян и думал одинаково, стал меняться, появились «непохожие».

– Этот вовсе не дурак! Он не сумасшедший! – говорили они, присматриваясь друг к другу.

Ради блага и покоя народа «непохожих» стали ловить с помощью шпионов, доносчиков и сажать в тюрьму. Для пыток специально пригласили палачей.

Народ тем временем сам собой распался на четыре части: одни были *дураки* – совсем потерявшие рассудок, другие *тронутые* – с остатками трезвого ума, третьи – *равнодушные*, безразличные ко всему, а четвёртые – *умные*...

По распоряжению падишаха к управлению стали привлекаться только *дураки*. *Умных* стали называть «врагами государства». Их признали заслуживающими казни. И никто не жалел их – мол туда и дорога! *Тронутые* считались людьми второго сорта и к управлению не допускались. *Безразличных* оказалось большинство. Их не уважали, с ними не считались. *Умные* и *равнодушные* старались казаться *тронутыми*, а *тронутые* – *дураками*. Для этого они прибегали ко всяким хитростям и уловкам – ели, например, белену. Чиновники и мурзы курили гашиш и опиум, торговцы же пили вино и водку.

Разнообразие породило недоверие, которое всё больше разъедало страну. Чтобы этого не было, падишах прика-

зал казнить семьдесят семь *умных*... Но установить единомыслие это не помогло. Тогда было приказано сжечь семьдесят семь *равнодушных*. Не помогло и это. Из соседней страны доставили семьдесят семь тысяч *безумцев*... Это тоже не принесло покоя... Все по-прежнему обвиняли друг друга, никто никому не доверял.

И поселилась в стране великая вражда: сын выступал против отца, отец против сына, соседи стали враждовать и доносить друг на друга, отец не признавал сына, а мать не признавала дочь... Сидящие во власти *дураки* объявили *тронутых* и *равнодушных* врагами и казнили их. Кровь человеческая рекой текла!

А народ всё не мог уgomониться... Тут поднялись *тронутые*, и править страной стали они. Первым делом под корень стали уничтожать *дураков*. Убивали не только их самих, но даже детей – всю родню искореняли... Дотла сжигали дома их и всё, что было вокруг. Но и это ничего не изменило, мира как не было, так и не стало...

Управление перешло в руки *равнодушных*. Эти тоже стали от души мстить своим врагам своим, как справа, так и слева. Крови пролили – реки разливанные, слёз – озёра полные. Но покоя не было всё равно...

А тут исчерпались запасы белены, уж не могут мурзы да чиновники *тронутыми* прикидываться. Торговцы с ремесленниками без водки сидят. И вражда между людьми разгорелась с новой силой... Падишах за голову схватился, визирь сильно огорчился тоже.

А мудрец, знай себе, всё пишет да пишет...

Но вот снова великая туча набежала – гром молнии, дождь пошёл. День лило, ночь лило, дождь не переставал семь дней. Ручьи в реки превратились, реки разлились в моря, степи болотами стали. Народ по домам сидит, высунуться не может – и *дураки*, и *тронутые*, и *равнодушные*, и *умные*, и падишах, и визирь – никак не могут они друг друга добрать, чтобы злобно наброситься на врагов своих...

Прошли семь дней и семь ночей... Весь народ – и стар и мал – в сон погружился. День спал, ночь спал – и так семь дней и ночей... И петухи не будили их среди ночи, и соловьи по утрам не тревожили.

И вдруг стряхнули с себя сон – все разом! Будто после сна летаргического. На улицу вышли. И что же видят? – Город спалён, разграблен, дороги размыты, мост сломан, арыки разрушены, на месте садов голая земля. Поля, луга, нивы в пустыни превратились... Сам народ в отребьях, истощён, разорён, завшивел весь, иссякла в нём сила жизненная... Минарет мечети рухнул, крыша медресе провалилась, сломался фонтан *хамма*. Ни базара, ни магазинов, ни караван-сарая, ни домов – ничего не осталось. Имущество, скотина – где это всё? Страна зачахла, увяла, высохла, омертвела, словно злодей Яэджуж-Маэджуж пронёсся над ней, выжигая всё. По окраинам тысячи человеческих голов валяются множество незахороненных мертвецов... На стенах висят дурацкие указы падишаха, глупые повеления визиря. Проснувшимся людям они казались жестокой издёвкой.

Падишах растерянно озирался вокруг, визирь мучился мрачными мыслями, народ страдал. Все высматривали что-то, было ощущение, будто потеряно нечто очень важное, очень дорогое... Каждый понимал, что утраченное бесценно, но что именно, сказать не мог... В догадках бродили люди по улицам, по полям и садам, но так никто и не смог понять, что ищет. Отправились в мечеть, всю ночь молились там, пошли на кладбище, плача и причитая, читали там Коран. Три дня и три ночи лил народ слёзы, молил Аллаха помочь, рассказавшись в содеянном, клялся исправиться.

Наступил новый день, возшло солнце... а народ не прекращал плакать. Во главе толпы падишах, визирь, знать, чиновники, рядом бредут торговцы, учителя, ремесленники, мужчины, женщины, дети. И вдруг кто-то закричал:

– А где же наш хахим? Мудрец наш где?!

Заволновался народ. Внезапно все увидели под ногами то, чего не замечали – отрубленные головы, брошенные трупы. Ужас охватил людей, их поразила страшная мысль:

– Хахим убит! Мудрецу отрубили голову!

Заплакал народ, запричитал:

– Как же мы без хакима жить будем?

Поиски продолжались. В городе хакима не нашли, не было его ни в поле, ни в лесу. Стали перебирать отрубленные головы, но мудреца не оказалось и среди них. Тогда решили справиться по нему обряд скорби – *женазу*. Собрали головы, уложили аккуратно тела и прочли заупокойную молитву.

Но тут кто-то разглядел пещеру и нашёл в ней измождённого старца – кожа да кости. По живому взгляду догадался, что это и есть мудрец Лукман.

– Я хакима нашёл! – закричал человек, – самого хакима!

Падишах, визирь, знать – весь народ бегом кинулся к пещере. Люди упали перед ней на колени и, склонив голову до земли, поздоровались с мудрецом:

– Ассаламе-галейкум, великий хахим!

Но пещера ответила тишиной. Поздоровались снова, почтительно склонившись:

– Ассаламе-галейкум, великий хахим!

Снова молчание... Падишах, визирь, знать, чиновники, весь народ в третий раз повторили, стоя на коленях:

– Ассаламе-галейкум, великий хахим!

И тогда в пещере прошелестел слабый голос:

– Вагалейкум-ассалам...

– Прости, хахим, мы забыли твои мудрые наставления, потому и оказалась в беде. Прости нас и яви вновь свои чудеса, помоги, спаси страну нашу!..

Хахим тихо встал... Волосы, борода совсем белые... Невзгоды согнули спину... погасили взгляд... Одежда превратилась в грязные лохмотья. Камышовый коврик прохудился. Держась за стены, он вышел из пещеры... В одной руке

перо, в другой – большая книга мудрости.

– Я раб Аллаха, когда все вы, потеряв разум, пребывали в бреду, сохранил здравый ум и описал всё, что видел, что пережил. Чернила кончились, год писал слезами, оплакивая горькую участь народа моего. Много слёз пролил я, и глаза высохли, слёз больше не стало. Год писал кровью, но кончилась и кровь... Если будете следовать мудрости этой книги, Аллах защитит вас, избавит от страданий, – проговорил мудрец напоследок.

Народ радовался так, словно ему открыли секрет вечной жизни. Люди на руках отнесли старца в город, книгу несли бережно на голове. Старый мудрец спокойно погрузился в сон...

* * *

Но вот заговорил внезапно страшный голос войны, ворвавшись в тишину ночи. Крепость не охранялась, а измученный народ ещё не успел оправиться от потрясения. Враг вступил в город беспрепятственно и принялся убивать людей – всех подряд. Разрушал дворцы, жёг книги. То были крестоносцы – люди других нравов, веры и языка. Чужеземцы безжалостно уничтожали старых и малых, людей заслуженных и достойных – для них все они были врагами веры и больше ничем. Ничто не уцелело – ни мечети, ни суды, ни школы, ни библиотеки, ни мастерские. Коран, книги, чудесные рукописи Лукман-хакима, написанные чернилами, слезами и кровью, были преданы огню. И осталась от них лишь куча золы. Падишах, визирь и прочие уважаемые мужи были обезглавлены, а головы их выбросили из окон, потопили в воде. Города, аулы, сады, бахчи, поля

были сожжены, воды высушены, культуру народа уничтожили полностью.

Много лет прошло с тех пор, имя народа забыто, ничего не известно о справедливом его падишахе, о достойном визире, потеряны следы даже такого мудрого человека, как Лукман-хаким.

Прошли сотни лет, много воды утекло, враги-крестоносцы были изгнаны, земли и города возвращены. Среди древних руин из-под мусора был извлечён обгорелый лист бумаги – единственная уцелевшая страница былой книги. После долгих усилий удалось прочитать следующие слова:

«1. Солнечного тепла Аллаха довольно для всех. Не покушайся на земли и свободу других, будь доволен тем, что дал тебе Тенгере. Если страна твоя будет свободной, то и дом твой спокоен будет.

2. Хороший человек – вовсе не ангел, а злой – не шайтан. Каким бы ни был он, не забывай, что это тоже сын Адама, следовательно, – твой родственник. Уважай его.

3. В основе жизни мужчины лежит честь. Государство строится на честности и справедливости. И если падишах будет честен, народ будет счастлив.

4. Мудрости суть одна. Это лицемеры размножили её. Чем меньше в государстве законов, тем реже люди будут нарушать их».

Были на бумаге и другие слова, но их прочитать не удалось. Уцелевшая страница безусловно написана была рукой истинного мудреца, ничем не уступавшего Лукман-хакиму. Другие писания мудреца не найдены до сих пор.

Берлин, 1923 год.

Перевод с татарского
Азалии Килеевой-Бадюжиной